

Из цикла «РАССКАЗЫ МУЗЫКАНТА»

Клуб железнодорожников во время танцев всегда полон молодежи. Девицы жмутся друг к дружке кучками, парни сбиваются в стайки. Но, как только раздаются первые звуки духового оркестра, в зале сразу начинается движение: вот от мужской стайки отделился один парняга и направился в сторону женской кучки. Вот другой, а там и третий.

В зале полумрак, поддерживающие балкон колонны высвобождаются — это значит, что весь танцующий народ устремился к центру, цепляясь друг за дружку локтями, плечами, иными частями тел.

Клуб железнодорожников — место в поселке приметное. Приметное красивой деревянной архитектурой, за которой угадываются вкус и прилежание строителей, поставивших сие здание в двадцатые годы двадцатого же столетия, когда в людях с необычайной силой проявилась тяга к культуре. Рассказывали даже, что поставлен он был на средства самих железнодорожников, объединившихся в некое товарищество, дабы из тех взносов, что поступали от пайщиков, не пропала понапрасну ни единая копейка. Но, как бы там ни было, клуб был построен, имелись в нем обширный зал для просмотра кинофильмов, поменьше размерами фойе, помещение, где разместилась раздевалка, слева от главного входа — лестница: по ней люди поднимались на балкон, а повернувшись на девяносто градусов, можно было пройти в кинобудку. За кинобудкой располагалось еще одно помещение — в нем-то и проводил занятия духового оркестра его руководитель Борис Дмитриевич Краев.

О Борисе Дмитриевиче стоит рассказать более обстоятельно. Он явился в поселок по распределению после педагогического института аж из самой Москвы, и должен был, согласно существующему тогда порядку, отработать три года в той школе, куда его определяют в отделе образования, чтобы уж после этих трех годов разъезжать по Советскому Союзу, как вольный человек, отдавший государству долг за обучение в вузе.

Человек этот был еще молодой, но уже, как бы сейчас сказали, крученный жизнью — в общем, московская штучка, потершавшаяся среди всякого тамошнего народца, привыкшего к веселой дармовой жизни. Но Борис Дмитриевич дармовой жизни не хотел, а вот повадки народца усвоил в той, нужной ему для жизни собственной части, когда не боятся ни перемен, ни чужих людей, а готовы ввязаться в любую не противоречащую Уголовному кодексу историю, и поймешь с того собственную выгоду. Захотел получить высшее образование и — получил. Отправили по распределению в «тѣмутаракань» и — поехал. Покрутил на месте головой, прикинул, что скучно будет жить только одними занятиями в школе, да и на зарплату учительскую слишком-то не разживешься, и решил организовать духовой оркестр в местном железнодорожном клубе.

Почему духовой оркестр, а не какой-нибудь кружок кройки и шитья, — здесь тоже своя сторона вопроса, о которой можно сказать в двух словах следующее: Борис Дмитриевич с детства готовил себя к профессии музыканта, но что-то помешало осуществить мечту. Однако он выучился играть на трубе, причем довольно прилично, и, будучи студентом, подрабатывал в одном из ресторанов Москвы, где в ту пору в моду входил джаз. На нем-то и воспитался будущий учитель географии. Музыка для Бориса Дмитриевича стала тем занятием для души, без которого он не мыслил свою жизнь.

Директор клуба Иван Пантелеевич, увидев перед собой улыбающегося напористого молодого человека, несколько подивился его самоуверенности, но решил не торопиться с выводами и осторожно спросил:

— Так вы... как вас, Борис Дмитриевич, говорите, что имеете опыт, к тому же долгое время играли в хороших оркестрах Москвы? Так-так... У нас в клубе тоже есть оркестр, есть и руководитель. Духовики со стажем. Но вот молодежь бы поучить им на замену — тут я бы ничего не имел против. А пока — влейтесь в уже существующий коллектив, да и мы на вас поглядим, поучимся...

Иван Пантелеевич говорил, а сам имел свою, примерно такую думку: кто ж тебя знает, московский вертун. Наедете, взбаламутите, людей разгоните, а я потом и расхлебывай. Не-ет, меня, старого воробья, на мякине не проведешь...

С «духовиками» у него не все сложилось гладко. Мужики и правда матерые, прошедшие огни и воды, и потому — плохо управляемые: могли запросто напиться, сорвать танцы, большие любители играть на похоронах, где всегда была живая копейка и дармовая выпивка. Но других не имелось — эта болезнь «лабухов», как промеж собой именовали себя «духовики», носила характер повсеместный, скорее похожий на хроническую болезнь, излечить которую не представлялось возможным. Этот же — явно пришел из-за желания подработать и, вероятно, в бутылку заглядывать не собирается. К тому ж учитель, компрометировать себя вряд ли станет.

«Пусть занимается молодежью, может из нее и выйдет толк, а там поглядим», — подумал напоследок Иван Пантелеевич, поднялся со стула и отправился по своим делам.

На первую же репетицию новый «духовик» из столицы прибыл в самое время, в руке держал футляр с инструментом, под мышкой — папку с нотами. Вошел в «духовушку» весело, громко поздоровался, протягивая поочередно то одному, то другому руку, представился: Борис, мол. Трубоч. Имеет, мол, желание влиться в коллектив музыкантов.

Кто-то, кажется Вовка Казанец, придвинул в сторону Бориса Дмитриевича пульт с нотами какого-то вальса — сыграй, дескать, а мы послушаем.

Новый музыкант открыл футляр, и глазам духовиков предстала светлая блестящая труба иностранного изготовления, в которую тот вставил невиданной формы мундштук. Затем небрежно глянул в ноты и заиграл совсем иную мелодию, причем требующую изрядной технической подготовки, так что и сам Казанец тут же позабыл о том, что желал услышать.

Игра Бориса Дмитриевича действительно отличалась от той, к какой привыкли местные музыканты. Отличалась она манерой выделять отдельные ноты, и потому они звучали отрывисто, как бы даже выпрыгивали из раструба инструмента, после чего следовал замысловатый пассаж, сыгранный «легато». Закончил новичок коротким ржанием, что именуется на музыкальном языке «тремоло».

— Ты вот это сыграй, — показал кивком головы на придвинутые ноты тенорист Саня по кличке «Саня-лажапиамосо». — Посмотрим, как читаешь с листа. А твои пассажи мы уже слышали — пыль в глаза и более ничего.

И прибавил, видно, для убедительности:

— Лажапиамосо...

Борис Дмитриевич глянул на листы во второй раз и заиграл вальс так, будто игрывал его десятки, а то и сотни раз.

Звук его трубы проявился в полную меру и оказался красивым по своему тембру, глубоким, с ярко выраженным вибрато.

Посрамленный Саня-лажапиамосо взял в руки свой тенор, отвернулся к окну и что-то заиграл. Казанец широко заулыбался, начал расспрашивать приезжего о житье-бытье в столице, время от времени заливаясь громким смехом.

Борис Дмитриевич вошел в эту «духоперскую» ватагу, что называется, с налету, разложив перед музыкантами в первый же день принесенные с собой ноты модной тогда песенки про неразделенную любовь. Расписана она была в непривычной для духовиков манере с элементами джаза, где надо было выделять отдельные синкопированные места. Музыканты попробовали, один, другой — получалась то ли полька-бабочка, то ли фокстрот. В общем, Бог весть что. Борис Дмитриевич смеялся, показывал, как надо играть, чем злил буквально всех без исключения духовиков, не привыкших к такому неуважительному обращению.

Мало-помалу отношения начали сглаживаться, новый трубач играл со всеми на танцах, но в особые дни занимался с молодежью — школьниками от десяти до четырнадцати лет, пришедшими в кружок духовой музыки по объявлению, вывешенному сбоку от входной двери в клуб.

Казанец, Саня-лажапиамосо занятиями его не интересовались, считая, что толку с этой кружковой работы коллеги будет мало, и конкуренции им, старым лабухам, молодежь не составит.

Однако если бы кто-то из них удосужился побывать на репетиции этой молодежи, то мнение свое об уровне юных музыкантов сменил бы со знака минус на знак плюс. Борис Дмитриевич в свой кружок отбирал самых одаренных, и по одной лишь ему ведомой методе. Принял двух цыганят, например, — Кешку и Леньку, и обоим же дал в руки по трубе. Эти отличались от прочих воспитанников почти абсолютным слухом и все схватывали на лету, причем, оба подростка старались одинаково, пропадая в «духовушке» все свое свободное от школы время.

Кешка и Ленька были двоюродными братьями по своим матерям. Первый имел светлое лицо, красивые томные глаза и отличался мягкостью и незлобливостью характера. Ленька же, наоборот, имел лицо черное, как головешка, в глазах прыгал огонек бесшабашности и упрямства.

Братья любили друг дружку и всегда были вместе. Предположим, Ленька опаздывал на репетицию, и Кешка говорил Борису Дмитриевичу:

— Вы не ругайте брата, ему мать наказала двор убрать — значит, не успевает.

— Так ты бы помог, — отвечал простодушно Борис Дмитриевич. — Что ж ты брата оставил без помощи?

— Дак я и хотел, да торопился уроки сделать, — оправдывался Кешка.

— С вечера надо было делать, а утром и подмог бы Леониду, — не отступал руководитель. — Следующий раз так и сделай.

— Сделаю, Борис Дмитриевич, сделаю...

Кешка краснел, отворачивался, и тут появлялся запыхавшийся Ленька Иванов, с порога устремляясь к своему месту среди музыкантов.

— Кеша вот сказал мне сейчас, что в следующий раз, когда надо будет убирать двор, он тебе обязательно поможет, — замечал, улыбаясь, Борис Дмитриевич.

Кешка мотал головой и снова краснел.

На трубе же стал играть еще один подросток по кличке Коробочка. Этот, чтобы во всем походить на руководителя, начистил до блеска старую помповую трубу, из которой трудно было что-либо выдуть, так как инструмент, видно, действительно отжил свой век, но Коробочка выдувал, и своим упорством нравился Борису Дмитриевичу, который замечал иной раз, что из подростка может выйти хороший музыкант. На альте вовсю старался долговязый Сема, так что «альтушка» у него звучала, как саксофон, что в дальнейшем Борис Дмитриевич использовал при расписывании партий. На баса играл Вовка Ковалев, на баритоне — Витька Башун. Юные музыканты выдували звуки с прилежанием, готовые в клубе хоть ночевать. В иные дни приходили они с самого утра, а покидали духовушку поздно вечером, когда уже родители хватились своих чад, прислушиваясь, не стукнет ли щеколда ворот и не появится ли в проеме двери потерянное взросшее дитя.

От усердного дутья в разные по размерам и формам инструменты у музыкантов уже начало что-то получаться, причем духовой оркестр Бориса Дмитриевича звучал, как эстрадный.

Оркестр действительно звучал, как эстрадный, а точнее, как какой-нибудь за-

морский джаз-банд, чему несказанно дивился пришедший посидеть и послушать директор клуба железнодорожников Иван Пантелеевич Зайцев, радующийся тому, что пацаны уже способны заменить матерых «духоперов», и скоро надо будет выводить их «в люди».

Борис Дмитриевич обучал подростков по собственной методе. На репетиции он приносил магнитофон и включал, к примеру, Сент-Луис блюз в исполнении Луи Армстронга, по ходу поясняя, что великий негритянский трубач начал играть в таком же возрасте, как и они. Когда ему было чуть больше двадцати, организовал и возглавил уже собственный оркестр. Сейчас это признанный музыкант, которого по праву называют «Золотой трубой мира».

Подростки слушали затаив дыхание, во все глаза глядели на своего руководителя, а Борис Дмитриевич прикладывал к губам мундштук трубы и повторял отдельные пассажи негритянского трубача. Потом раскладывал перед юношами ноты и говорил:

— А теперь попробуем разучить этот самый Сент-Луис блюз и мы с вами. Вот послушайте, что получилось...

И играл поочередно партии трубы, баритона, тенора, альты, баса.

После прослушивания магнитофона и проигранного Борисом Дмитриевичем, юные музыканты осваивались быстро, и вскоре в пока еще небогатом репертуаре подросткового оркестра появлялось новое произведение.

Легко усвоили они и эти самые синкопы, которые подчеркивал Борис Дмитриевич резким движением руки.

«Та-та-та-та...»

Но больше всего подростки ожидали того дня, когда их оркестр будет играть на поселковых танцах.

И такой день подошел, когда сам Борис Дмитриевич явился к директору Ивану Пантелеевичу и предложил выставить молодежь на всеобщее обозрение и прослушивание на предстоящих в субботний день танцах.

— Давай, — с готовностью отозвался Иван Пантелеевич. И добавил: — Я и сам уже собирался предложить тебе не тянуть. В работе твои пацаны быстрее пооботрут, да и кое-какие деньжата начнут прирабатывать — глядишь, и со стороны родителей меньше будет претензий (между директором клуба и руководителем оркестра к тому времени уже сложились почти приятельские отношения, и оба обращались друг к другу на «ты»).

Так и сделали. А матерым «духоперам» Иван Пантелеевич сказал коротко, все равно, что приказал:

— Ну че, мужики, сегодня на танцах в перерывах радиолу заводить не будем. Паузы будет заполнять детский духовой оркестр, который подготовил Борис Дмитриевич.

Те хмыкнули, дескать, давай-давай, Ваня, может чего и получится с пацанвы, а пока что без нас, лабухов, ты — пустое место. Бросим «лабать», и в клуб твой никто ходить не будет...

Мысли такие в глазах и усмешках матерых лабухов Иван Пантелеевич, конечно, прочел, но в перепалку не счел нужным вступить, обронив напоследок:

— В общем, я вас поставил в известность...

Придвинулся вечер. Народ подходил, как всегда, не спеша, заполняя собой то помещение, которое предвляло вход в зал, где и происходили танцы-манцы. Потолкавшись, люди протискивались между дверным косяком и пышнотелой билетершей тетей Марусей.

На сцене старый состав музыкантов наигрывал вальс «На сопках Маньчжурии», именуемый промеж себя как «На сопках зажмурились». Они коверкали на свой лад названия произведений. К примеру, вальс «Над волнами» именовали вальсом «Над волами», или попросту «бычачьим». Похоронный марш Бетховена называли «Из-за угла». Марш «Все выше и выше» на их языке проходил почему-то под номером первым. Ну и так далее.

Когда начинались танцы, на круг выходили чисто девичьи пары — юноши терпеливо дожидались объявления «белого танца», когда разрешалось девицам приглашать парней, о чем хорошо знали всю старавшиеся лабухи, и уже третьим по счету звучал этот самый «белый танец», после которого молодежь смелела, а иной раз и наглела, высматривая заранее подходящую себе пару.

Но вот лабухи поднимались, отложив свои инструменты, и публика пригорюнивалась, ожидая, что вот-вот из динамика, висевшего возле двери в кабинет директора, польется какая-нибудь до одури известная мелодия.

На этот раз на сцену вышли подростки, сели, взяли в руки инструменты.

Между тем Казанец, на правах старшего, уже «дирижировал» бутылкой с водкой, разливая по очереди лабухам в один-единственный граненый стакан. Традиция эта — «кирнуть» в перерыве — была заведена давно, и никем никогда не нарушалась. Даже Иван Пантелеевич ничего не мог сказать охмеляющимся лабухам, позволяя себе только заметить, чтобы не пили лишнего.

— Не бойсь, Пантелеич, — обычно скалились «духоперы». — Мы свою меру знаем. Кирнем и пойдем лабать.

На этот раз Иван Пантелеевич не предостерегал, и даже не соизволил появиться на глаза. Он ожидал свое.

А за стеной, отгораживающей сцену от комнаты, где распивали свой пузырь лабухи, вдруг понеслись стройные звуки новоявленного духового оркестра, в котором играли, как они знали, одни пацаны. Да так задиристо, мастерски, что матери «духоперы» замерли с открытыми ртами и начали переглядываться.

Звуки неслись, заполняя собой углы помещения, поднимаясь к потолку и вырываясь за пределы стен — на улицу.

Высоко звенели трубы, чуть пониже по высоте выли альты, низко вторили им баритон с тенором, глухо гудели басы и ухал барабан.

А перед оркестром с трубой в руке стоял Борис Дмитриевич и дирижировал, резкими движениями руки выделяя отдельные звуки или, по-музыкальному — синкопы:

«Та-та-та-та...»

«Та-та-та-та...»

Если бы кто-нибудь из матерых «духоперов» в этот момент оказался рядом с музыкантами, то услышал и увидел бы, как Борис Дмитриевич попутно выкрикивал отдельные слова и фразы:

— Даешь синкопу, ребята!.. Молодцы!.. Еще жару!..

И ребята старались всю. Кешка с Ленькой на своих трубах легко выигрывали сложные музыкальные пассажи, долговязый Сема вел главную мелодию Сент-Луис блюза, Витька Башун старательно выводил свою партию баритона.

«Та-та-та-та...», — несло в зал со сцены.

«Та-та-та-та», — било по ушам притихших за стеной лабухов, мало соображающих, что же это такое происходит в их клубе, где они привыкли чувствовать себя безраздельными хозяевами, и где теперь хозяйничали пацаны и этот, свалившийся на их головы, Борис Дмитриевич со своими ресторанными замашками.

Наконец, кто-то из них не выдержал и подался к двери, чтобы уже воочию лицезреть новоявленных музыкантов. За первым потянулся второй, а там и третий.

И каждого из них более всего удивила не игра пацанов, а поведение танцующих.

Молодь отплясывала остервенело, с выражением на лицах какой-то блаженной зачумленности и отрешенности от прочего мира. По всему видно было, что все происходящее на сцене молодежи нравится.

Округлилось лицо Володьки Казанца. Вытянулось лицо Сани-лажапиамосо. Скособочились лица их товарищей-лабухов.

А сбоку от сцены, скрестив руки на груди, стоял улыбающийся Иван Пантелевич и молча поглядывал на танцующих. Видно, подлец, подсчитывал доходы от танцев, какие сулил вновь образовавшийся оркестр из набранных Борисом Дмитриевичем с улицы пацанов — так, по крайней мере, подумалось выглядывающим из-за кулис лабухам, до которых смутно доходило, что время их безвозвратно кончилось. А пришло время иных музыкантов, иного репертуара, иного уровня и подхода к исполнению танцевальной музыки, которой в ближайшем и отдаленном будущем суждено занять свое прочное место на клубных площадках.

Запад стучался в двери со своей культурой, и наехавший из столицы Борис Дмитриевич был ее проводником.

«Та-та-та-та» — неслоь между тем со сцены.

«Та-та-та-та» — било по мозгам потерявших дар речи лабухов, до которых уже начинало доходить, что пора им надевать свои тужурки, нахлобучивать на головы шапки и подаваться по своим домам, что они, в конце концов, и сделали.

А вслед им неслоь:

«Та-та-та-та...»